

Какой будет рождаемость в России?

Над темой номера
работал

Сергей ЗАХАРОВ¹

Рост рождаемости в 2007-2010 годах: есть ли повод для оптимизма?

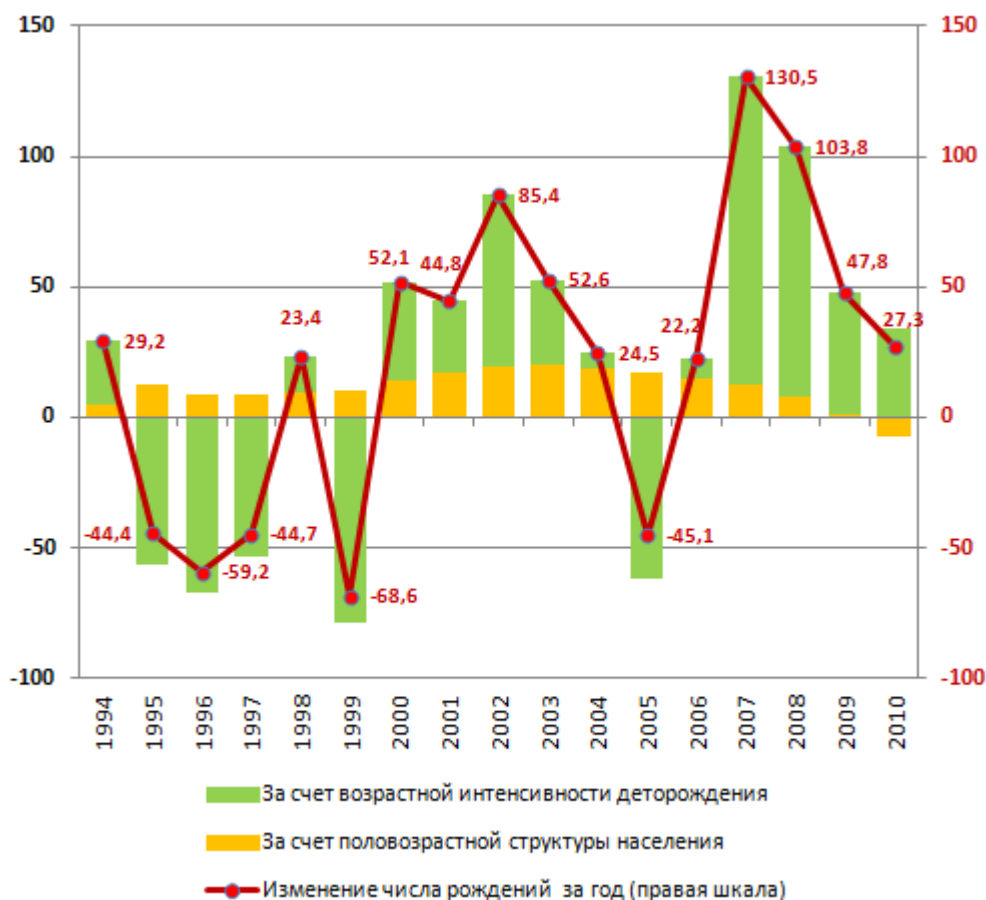
В последнее время усилиями, главным образом, политиков и специалистов-демографов широко распространилась точка зрения о «необыкновенном росте» рождаемости в России, в особенности с 2007 года, когда государством были приняты специальные меры по материальному стимулированию рождаемости. Несмотря на то, что профессиональные демографы как публично, так и в научных статьях демонстрируют намного меньший оптимизм в оценках динамики рождаемости в России, и, в частности, эффективности проводимой демографической политики, их голос тонет в хоре оптимистических заявлений о росте рождаемости.

Что же происходит с рождаемостью в России на самом деле?

На первый взгляд, есть все основания говорить о ее позитивной динамике в «нулевые» годы. В 2000-2009 (исключение – 2005 год) число рождений в России увеличивалось. По сравнению с минимальным показателем, достигнутым в 1999 году, – 1214,7 тысячи, – число живорождений в 2010 году (без учета Чеченской республики²) увеличилось более чем внушительно – на 537,8 тысячи, или на 44%. В 2007 году прирост рождений был наиболее значительным – 8,7%. Однако в 2008, в 2009 и 2010 годах темпы прироста быстро падали – соответственно, 6,4%, 2,8%, 1,5%. А данные за одиннадцать месяцев 2011 года свидетельствуют, что рост числа рождений в России завершился. По итогам 2011 года следует ожидать, что число рождений едва ли будет существенно отличаться от предыдущего года.

Увеличению числа рождений на протяжении последнего десятилетия способствовала благоприятная возрастная структура населения – число женщин основного детородного возраста (до 35 лет) находилось в фазе роста. Однако, как свидетельствуют расчеты, положительное влияние фактора структуры исчерпало себя (рис. 1). В 2010 году роль возрастной структуры в изменении числа рождений стала отрицательной, сократив, по нашей оценке, прирост числа рождений на 7 тысяч. Негативные структурные сдвиги будут играть отрицательную роль в динамике числа рождений не менее двух десятилетий.

Положительное влияние изменений собственно рождаемости (возрастной интенсивности деторождения) было значимым в 2002 году, но затем стремительно падало, и лишь в 2007 году вновь заявило о себе, двукратно превысив уровень 2002 года, что обычно интерпретируется как несомненный успех политических мер. Впрочем, в 2008-2010 годах роль интенсивности деторождения вновь стала быстро снижаться, в 2010 году ее рост обусловил лишь 29% от прироста числа рождений в 2007 году.

Рисунок 1. Изменения годового числа рождений в России и компоненты его изменения (индексное разложение годового прироста), 1993-2010 годы, тысяч человек

Примечания: 1993-2004 без рождений в Чеченской республике; 2005-2010 – включая рождения в Чеченской республике.

Источник – Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Показатель, не зависящий от половозрастной структуры населения, - коэффициент суммарной рождаемости (КСР, итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения), – также свидетельствует о том, что в России в 1999-2010 годах после периода спада происходило увеличение интенсивности деторождения, как в городской, так и в сельской местности, хотя у горожан рост был заметно большим (рис. 2). В 2005 году снижение отмечалось и на селе, и в городах, а в 2006 рост рождаемости обозначился только у сельского населения. Но в 2007 году, после введения новых мер демографической политики, впервые прирост показателя в сельской местности (0,19 ребенка на одну женщину) двукратно превысил прирост рождаемости у городского населения (0,08). В результате, если в начале 1990-х годов итоговая рождаемость у сельских жителей была выше, чем у городских, примерно на 0,9 ребенка в расчете на одну женщину, то к 2005 году разрыв между сельской и городской местностью сократился до 0,39, то есть более чем в два раза. В 2006-2007 годах различия между городской и сельской местностью вновь возросли, достигнув 0,52. В 2008 году прирост показателя был одинаковым в обоих типах поселений, в результате чего различия в рождаемости между городским и сельским населением остались на том же уровне, что и в 2007. В 2009-2010 годах увеличение рождаемости в сельской местности вновь застопорилось, а в городской, хотя продолжалось падающими темпами, но все же более

энергично, чем в сельской, что вновь сократило разницу в величине показателя в пользу села до 0,46.

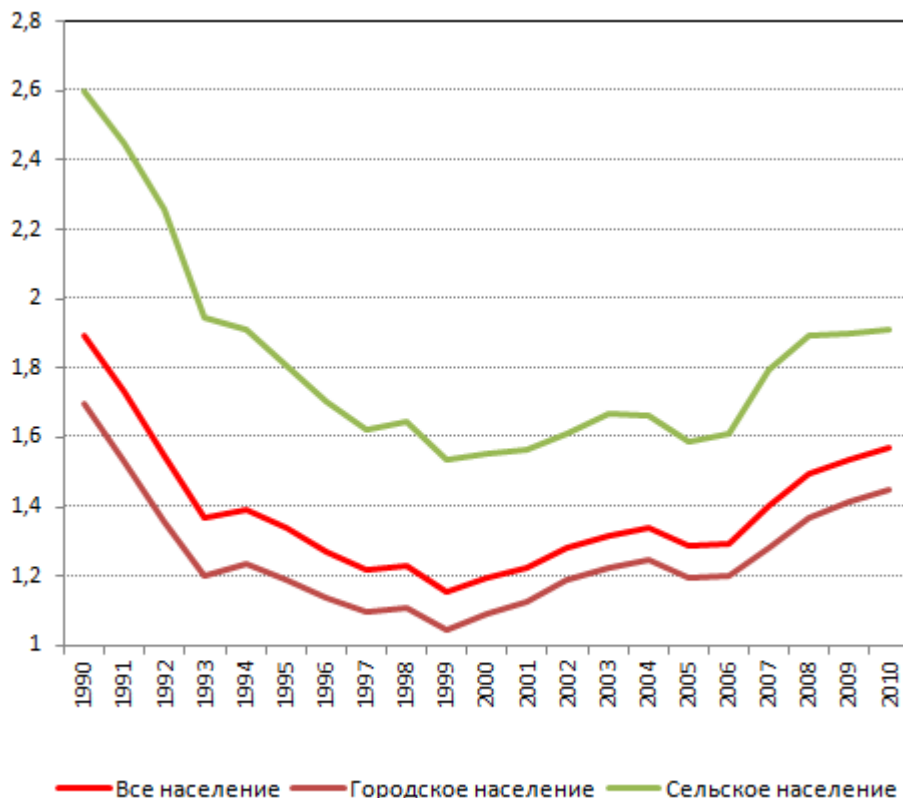

Рисунок 2. Итоговая (суммарная) рождаемость в 1990-2010 годах, детей на одну женщину

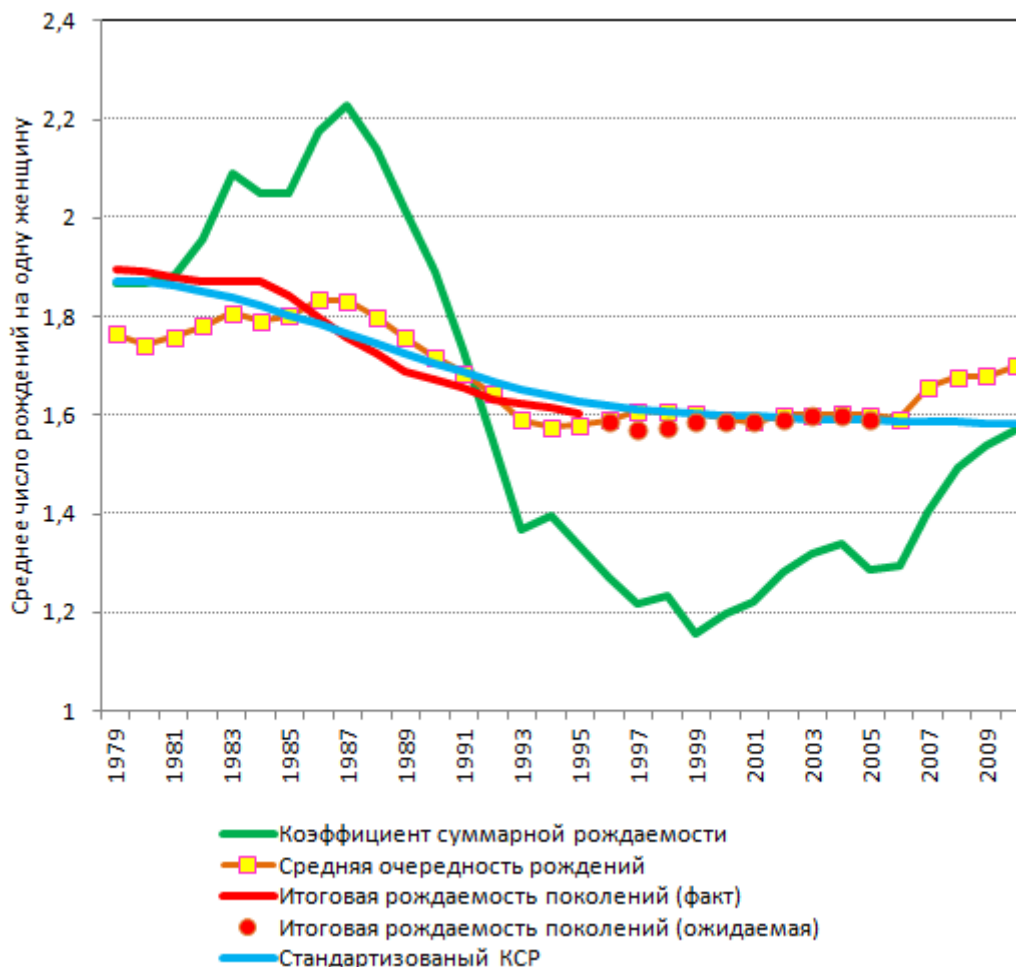
Формально рассуждая, данные за 2007-2010 годы (годы действия новых мер социально-демографической политики) прекрасно вписываются в тренд, обозначившийся с 2000 года. Особого ускорения темпов повышения рождаемости после 2007 года мы не наблюдаем, если проигнорировать провал в 2005 году, причины которого до сих пор не привлекали специального внимания, и потому не изучены.

Однако для понимания того, что происходит сегодня с рождаемостью, анализа одного коэффициента суммарной рождаемости недостаточно. Этот показатель как статистический индикатор уровня рождаемости подвергается все более жесткой критике со стороны международного экспертного сообщества за то, что он способен вводить в заблуждение в условиях трансформации возрастной (тайминговой) модели рождаемости, а Россия, как и другие страны, сейчас переживает такую трансформацию. Поэтому для адекватного понимания того, что происходит с российской рождаемостью, необходимо рассмотреть и другие ее индикаторы, лишённые указанного недостатка.

Преобразование данных текущего учета рождений в распределения рождений для реальных поколений женщин позволяет оценить показатели итоговой рождаемости женских когорт, которые будут свободны от влияния изменений в календаре рождений. Правда, остается проблема с оценкой итоговой рождаемости тех поколений, которые по своему возрасту еще далеки от завершения репродуктивной биографии. В международной практике принято, что для реальных поколений, достигших к моменту наблюдения 30-35 лет, допустимо ожидать, что в современных условиях коэффициенты рождаемости после этого возраста будут не ниже, чем те возрастные

коэффициенты для условного поколения, которые мы наблюдаем в расчетном году. Тогда, для всех поколений женщин, родившихся до 1960 года рождения, мы имеем дело с исчерпанной рождаемостью, для поколений 1960-1975 годов рождения располагаем весьма надежной оценкой ожидаемой итоговой рождаемости (с ошибкой менее 5%), а для поколений 1975-1980 годов рождения наши оценки также будут достаточно надежными (ошибка не более 10%), но, вероятно, слегка заниженными принимая во внимание тенденцию к увеличению интенсивности деторождения в возрастах старше 30 лет.

Наши оценки итоговой рождаемости реальных поколений российских женщин 1954-1980 годов рождения (фактические для старших когорт и ожидаемые для младших когорт при условии неизменности коэффициентов рождаемости старше 30 лет на уровне 2010 года) представлены на рис. 3 наряду с коэффициентом суммарной рождаемости. Для того чтобы эти два показателя для реальных и условных поколений можно было сравнить на одном рисунке, показатели для реальных поколений были сдвинуты на 25 лет (т.е. на величину, близкую к среднему возрасту матери при рождении ребенка), так что точка на кривой, отражающей рождаемость реальных поколений, для 1979 года показывает итоговую величину рождаемости для поколения женщин, рожденных в 1954 году. На том же рисунке представлен и коэффициент суммарной рождаемости, скорректированный с использованием специального метода стандартизации, базирующегося на оценках фактических и ожидаемых показателей итоговой рождаемости реальных поколений и использовании неизменного, стандартного возрастного профиля рождаемости выбранного поколения (в нашем случае была выбрана когорта россиянок 1959 года рождения). Представленный в динамике этот показатель позволяет нивелировать влияние годовых изменений в календаре рождений. Естественно, что кривая для последнего показателя очень близка кривой, демонстрирующей наши оценки уровня рождаемости для реальных поколений.

Рисунок 3. Итоговая рождаемость условных и реальных поколений в России, календарные годы: 1979-2010, годы рождения женских поколений: 1954-1980

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

О чем свидетельствуют показатели, представленные на рис. 3 наряду с привычным коэффициентом суммарной рождаемости?

Во-первых, никаких существенных изменений общего уровня рождаемости в России не наблюдается с начала 1990-х годов, несмотря на то, что КСР, напротив, говорит нам о колоссальных перепадах в уровне рождаемости, вводя сегодня в соблазн оптимистических ожиданий, как прежде (в 1990-х годах) он возбуждал алармистские настроения. Современный уровень рождаемости реальных поколений в России – 1,6 рождения на одну женщину к возрасту 50 лет поддерживается примерно с 1992 года, и на этом уровне, видимо, следует ожидать более или менее длительную его стабилизацию.

Во-вторых, свидетельств высокой эффективности новых мер политики, принятых в 2007 году, мы также пока не наблюдаем. Есть все основания предполагать возможность в ближайшей перспективе повторения ситуации, возникшей в первой половине 1980-х годов, когда КСР кратковременно взлетел ввысь под влиянием мер семейной политики, в то время как никакого действительного увеличения рождаемости – показателей для реальных поколений - не наблюдалось, что и видно на рис.3. Причина временного скачка КСР в 1981-1987 годах – резкое изменение календаря рождений в сторону снижения возраста материнства и сокращения

интервалов между рождениями, вызвавшее высокую концентрацию рождений в первые годы введения в действие таких мер, как отпуска по уходу за ребенком, повышение пособий, предоставление различных льгот.

В-третьих, существенное снижение рождаемости имело место у россиянок, родившихся в 1960-х годах, - с 1,87 до 1,60 рождений на одну женщину, т.е. примерно на 0,3 рождения. Репродуктивная деятельность этих поколений в основном пришлась на 1980-е – первую половину 1990-х годов. Последующие поколения, родившиеся в 1970-х годах и вносящие основной вклад в формирование рождений 1990-х – первой половины 2000-х годов, демонстрируют стабилизацию рождаемости на уровне 1,6 рождения.

Наконец, на рис. 3 (см. также рис. 5) представлен еще одна важная обобщающая характеристика уровня рождаемости – средняя очередность рождения (СОР)³. Она также демонстрирует удивительную стабильность на протяжении почти 15 лет с начала 1990-х годов на том же уровне, что и показатель итоговой рождаемости для реальных поколений, – 1,6 рождений в среднем на одну женщину. Согласованное изменение СОР и итогового показателя рождаемости для реальных поколений наблюдалось вплоть до 2006 года. В 2007-2010 годах этот показатель продемонстрировал умеренный рост, что также напоминает ситуацию первой половины 1980-х годов. Он свидетельствует о повышенной концентрации рождений 2-й и последующих очередностей в 2007-2010 годах, что, безусловно, было стимулировано мерами политики, введенными в действие в 2007 году.

Можно ли этот факт рассматривать как предвестник будущего повышения рождаемости реальных поколений? Это зависит от того, в какой мере наблюдаемая сегодня повышенная вероятность повторных рождений – всего лишь ускоренная реализация уже запланированных ранее рождений, а в какой – действительное изменение желаемого и ожидаемого размера потомства в семьях. Ответить на этот вопрос, опираясь лишь на данные официальной статистики, мы пока не можем. В то же время выборочные исследования, и, в частности, три волны РидМиЖ (2004, 2007 и 2011 годов) не показали значимых изменений ни в средней величине желаемого числа детей, ни в намерениях мужчин и женщин завести очередного ребенка в последующие три года или когда-либо.

Можно высказать предположение, что во второй половине 2000-х годов мы имеем дело с результатами сложной структурной трансформации модели рождаемости, которая в некоторых своих проявлениях будет иметь временный характер. С одной стороны, поколения 1980-х годов рождения, следуя тенденции, отмеченной с начала 2000-х годов, продолжали слегка повышать репродуктивную активность в 20-летнем возрасте, устранив некоторый перекоп в возрастном профиле рождений, характерный для поколений 1970-х годов рождения, а, с другой стороны, поколения 1970-х годов рождения переживали компенсационную волну позднего деторождения. В результате мы имеем и повышенную концентрацию рождений, пришедшуюся на вторую половину 2000-х годов, и поддержание ожидаемой величины итоговой рождаемости поколений на одном и том же уровне. Естественно предположить, что «стимулирующие» меры политики, введенные в действие в 2007 году, усилили обе отмеченные тенденции. В то же время, утверждать, что результатом этой политики станет рост среднего числа детей в семьях к концу репродуктивного периода для родителей или, что почти то же самое, увеличение среднего числа рожденных детей в расчете на одного представителя реальных поколений, преждевременно. Пока мы можем лишь с уверенностью утверждать, что новая демографическая политика в какой-то степени спровоцировала очередную волну изменений в календаре рождений, что, отчасти, способствовало стабилизации итоговых показателей рождаемости реальных поколений на уровне 1,5-1,6 рождения в расчете на одну женщину.

Меры демографической политики не привели к усилению желания россиян иметь больше детей

Наряду с прямыми статистическими показателями, характеризующими фактически уровень и динамику рождаемости, для понимания тенденций этого процесса в настоящем и будущем важны и характеристики субъективного отношения людей к рождению детей, их репродуктивные намерения, «репродуктивные установки».

Фундаментальной характеристикой репродуктивных установок населения считается индикатор **желаемого** числа детей, который характеризует склонность человека иметь определенное число детей в идеальных условиях. Обычно этот показатель замеряется в выборочных исследованиях с помощью вопроса: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?». Именно в такой формулировке этот вопрос ставился перед респондентами в двух волнах репрезентативного обследования РИДМИЖ 2007 и 2011 годов.

В кругу социологов и демографов ведется дискуссия, как правильнее всего интерпретировать ответы на этот вопрос. Одни специалисты предпочитают их трактовать как некое трансформированное отражение в индивидуальном сознании действующей в обществе идеальной нормы детности, другие их трактуют как выражение индивидуальной потребности в детях⁴. Так или иначе, этот индикатор в странах с низкой рождаемостью на своем среднем уровне для населения задает близкую к верхней планке норму рождаемости, господствующую в обществе в конкретный исторический период. При условии, если этот индикатор имеет тенденцию сохраняться на одном и том же уровне или, тем более, снижаться, едва ли возможно надеяться на возможность существенного повышения рождаемости в будущем. Речь может идти только о теоретической возможности сокращения разрыва между фактическим средним числом рожденных детей к концу репродуктивного периода и средним уровнем желаемого числа детей, который в развитых странах обычно имеет место в пользу последнего. Обращая внимание на наличие этого разрыва во всех странах, эксперты говорят о возможном поле действий для демографической и семейной политики с целью повышения рождаемости. Хотя это далеко не бесспорная точка зрения для принятия практических решений в области конкретных мер, постановки целей и ориентиров для политики, тем не менее, на динамику этого индикатора в сравнении с текущими оценками фактической рождаемости следует обращать серьезное внимание.

В 2007 году вопрос о желаемом числе детей задавался вскоре после вступления в действие новых мер семейной и демографической политики. Замер, сделанный в этот период, должен был отразить первую реакцию населения на принятые государственные решения. Спустя четыре года повторный опрос должен был засвидетельствовать, изменились ли желания людей иметь то или иное число детей в условиях практической реализации этих решений, направленных, как известно, на «стимулирование рождаемости», а также оценить результаты усилий государства по наращиванию пропаганды «семейных ценностей».

Сравнение результатов, полученных при опросах в 2007 и 2011 гг. (табл. 1), демонстрируют высокую устойчивость мнений о желаемом числе детей у мужчин и женщин, проживающих как в городской, так и в сельской местности. Различия в среднем числе желаемых детей по двум опросам находятся в пределах статистических погрешностей оценивания. Двухдетный идеал семьи остается доминирующим для россиян, как, впрочем, и для населений большинства развитых стран в мире. Примечательно, что практически никакой разницы во мнениях городских и сельских жителей не обнаруживается.

Если пристально вглядываться в распределения по числу желаемых детей, полученных по результатам двух опросов, то можно обнаружить, что в 2007 году опрошенные давали чуть более высокое предпочтение в пользу двух и более детей. Таким образом, если и можно говорить, о каких-либо изменениях за четыре года, то, скорее, в пользу меньшего оптимизма населения, так что говорить об эффективности современной семейной политики, с точки зрения ее положительного влияния на желание иметь больше детей, пока не приходится.

Таблица 1. Распределение мужчин и женщин по желаемому числу детей (%) и среднее желаемое число детей (в расчете на одного опрошенного) по всей выборке, а также для респондентов, проживающих в городской и сельской местности, 2007 и 2011 годы

Число детей	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	2007	2011	2007	2011	2007	2011
Все опрошенные						
0	4,3	5,2	3,1	3,8	3,6	4,4
1	16,9	17,9	17,6	20,0	17,3	19,2
2	55,3	54,2	57,6	54,8	56,7	54,5
3 и более	23,5	22,7	21,7	21,4	22,4	21,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее число детей	2,07	2,07	2,06	2,01	2,06	2,03
Городские респонденты						
0	3,6	4,8	2,2	3,5	2,8	4,0
1	17,4	17,9	18,1	20,7	17,8	19,5
2	55,3	54,2	58,6	54,7	57,3	54,5
3 и более	23,7	23,1	21,1	21,2	22,1	22,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее число детей	2,09	2,08	2,06	2,00	2,07	2,03
Сельские респонденты						
0	6,5	6,4	5,3	4,6	5,7	5,3
1	15,3	17,9	16,3	18,3	15,9	18,2
2	55,4	54,0	54,8	55,2	55,0	54,7
3 и более	22,8	21,6	23,6	21,9	23,3	21,8
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее число детей	2,03	2,02	2,05	2,04	2,05	2,03

Источник : Расчеты автора на основе базы данных двух волн выборочного исследования РидМиЖ, проведенных в 2007 и 2011 годах.

Посмотрим теперь, как в соответствии с данными трех волн опросов 2004, 2007, и 2011 годов по программе РидМиЖ менялись более конкретные репродуктивные намерения россиян.

Нас, в первую очередь, будут интересовать ответы на два вопроса. Первый касается намерений родить ребенка (еще одного ребенка) в ближайшие три года. Дополнительный вопрос о намерениях родить ребенка если не в ближайшие три года, то когда-нибудь в неопределенном будущем, мы также будем использовать, чтобы уточнить характер отрицательного или неопределенного ответа на первый вопрос. Если респондент **не** демонстрировал намерение родить ребенка в ближайшие три года (т.е. не отвечал «Да» или «Пожалуй, да»), то у него выяснялось, имеет ли он желание вообще иметь ребенка (еще одного ребенка). В случае, если он и на второй вопрос отвечал отрицательно, то это нами интерпретировалось как отсутствие намерений увеличивать число рожденных детей ни в ближайшие три года, ни когда-либо. Если же при ответе на второй вопрос респондент проявлял желание («Да», «Пожалуй, да») родить ребенка когда-либо, то мы такие случаи интерпретировали как намерение родить ребенка когда-нибудь в

будущем, за пределами ближайшего трехлетия. Наконец, те респонденты, которые на оба вопроса ответили отрицательно («Нет» и «Пожалуй, нет») мы будем трактовать как уверенный отказ от дальнейшего продолжения репродуктивной биографии.

Данные вопросы задавались женщинам, находящимся в репродуктивном возрасте (т.е. до 50 лет), а также мужчинам-респондентам, у которых партнерша находится в репродуктивном возрасте.

Анализ ответов целесообразно проводить с разделением респондентов по числу уже рожденных детей (табл. 2). Тем самым мы не только учитываем известную зависимость вероятности очередного рождения от числа уже имеющихся детей, но и, одновременно, нащупываем социальную норму детности, распространенную в России.

Таблица 2. Намерения респондентов иметь ребенка (еще одного ребенка), 2004, 2007 и 2011 гг., %

Респонденты с числом рожденных детей	«Да», «Пожалуй, да» в ближайшие три года			«Да», «Пожалуй, да», но когда-нибудь позже			«Нет», «Пожалуй, нет»		
	2004	2007	2011	2004	2007	2011	2004	2007	2011
0	42	39	43	44	43	37	14	18	20
1	28	27	28	24	24	16	48	49	56
2	5	6	8	9	9	7	86	85	85
3	4	6	5	5	6	3	91	88	92
Все респонденты	23	24	26	24	25	20	53	51	54

Источник – Расчеты автора на основе базы данных трех волн выборочного исследования РидМиЖ, проведенных в 2004, 2007 и 2011 гг.

Следует сразу же отметить, что за истекшее семилетие никаких принципиальных изменений в намерениях россиян не произошло: 23-26% планируют родить ребенка в ближайшие 3 года, 20-25% - допускают такую возможность в более отдаленной перспективе, а 51-54% респондентов, скорее всего, больше детей иметь не будут. Социальная норма «иметь не более 2-х детей в семье» остается доминирующей – не менее 85% респондентов, имеющих в своей биографии два рождения, не собираются увеличивать размер своей семьи по всем трем волнам опросов.

На фоне в целом стабильной «карты намерений» в зависимости от числа уже рожденных детей можно, тем не менее, выделить некоторые важные тенденции и отметить интересные конъюнктурные колебания.

Так, от опроса к опросу устойчиво повышался процент респондентов, которые, не имея ни одного рождения, не собираются их иметь и впредь (14% в 2004, 18%, 20% в 2011). Этот факт требует пристального внимания. Не есть ли это первый признак того, что в российском обществе, подобно тому, как это случилось ранее в западных странах, получает некоторое распространение добровольная бездетность? Расчеты по данным официальной статистики также показывают, что поколения, которые сейчас приближаются к своему 30-летию, имеют, шансы в 12-15% остаться бездетными к концу репродуктивного цикла.

Отличие ситуации, зафиксированной в 2011 году, от ситуации 2007 и 2004 годов заключается в меньшей склонности респондентов к откладыванию 1-х, 2-х и 3-х рождений. Видимо, это результат того, что часть респондентов оценили ситуацию, возникшую после введения в действие новых мер семейной политики, как благоприятную для реализации своих намерений в отношении желанного ребенка. Таким образом, наша гипотеза о «календарной» природе роста конъюнктурных

показателей рождаемости в 2007-2010 годах получает косвенное подтверждение на основе данных опросов РидМиЖ.

Для большей уверенности в наших выводах обратимся к результатам ответов на эти же вопросы только тех респондентов, которые находятся в возрастах активной прокреации – от 25 до 35 лет (табл. 3). При таком подходе мы избавляемся от малоценных для прогноза рождаемости мнений людей, завершающих свою репродуктивную биографию, а также от мнений самых молодых респондентов, значительная часть которых еще не состоит в устойчивых брачно-партнерских отношениях, находятся в самом начале своей профессиональной карьеры и жизненного пути в целом. Опираясь на мнения людей, находящихся в средних репродуктивных возрастах, мы смотрим на перспективы рождаемости с максимальной долей «трезвого» оптимизма. По сути, мнения именно этих людей будут, так или иначе, определять динамику рождаемости в ближайшее десятилетие.

Таблица 3. Намерения респондентов в возрасте 25-35 лет иметь ребенка (еще одного ребенка), 2004 г., %

Респонденты с числом рожденных детей	«Да», «Пожалуй, да» в ближайшие три года			«Да», «Пожалуй, да», но когда-нибудь позже			«Нет», «Пожалуй, нет»		
	2004	2007	2011	2004	2007	2011	2004	2007	2011
0	65	63	66	26	22	21	9	15	13
1	43	42	48	28	32	24	29	26	28
2	10	12	16	19	20	16	71	68	68
3	14	19	13	8	13	7	78	68	80
Все респонденты	39	40	46	25	26	21	36	34	33

Источник – Расчеты автора на основе базы данных трех волн выборочного исследования РидМиЖ, проведенных в 2004, 2007 и 2011 гг.

Как и ожидалось, социально зрелая молодежь, за плечами которой, с одной стороны, уже имеется определенная социальная биография, а, с другой, сохраняется перспектива продолжения репродуктивной биографии, оправданно демонстрирует несколько больший оптимизм в своих намерениях: снижается доля тех, кто желает остаться окончательно бездетными, почти в два раза повышается доля тех, кто намерен обзавестись вторым ребенком. Доля желающих третьего ребенка также становится больше не менее чем на 10 процентных пунктов.

Более интересно отметить, что сравнение результатов всех трех опросов не показывает существенных сдвигов в отношении распространенности негативных намерений иметь еще одного ребенка. Из результатов предыдущих исследований известно, что именно негативные намерения в отношении рождения ребенка обладают наибольшей прогностической ценностью. «Отказавшись от рождения ребенка в 2004 г., уверенные в своем решении женщины реализовали его – то есть не родили – в 97% случаев, а менее уверенные – в 92% случаев. Почти все, кто не хотел заводить ребенка в 2004 г., последовали своим намерениям»⁵.

Главное отличие результатов опроса 2011 года от опроса 2007, как уже говорилось, заключается в перераспределении ответов в пользу тех, кто собирается родить 1-го, 2-го и 3-го ребенка в ближайшие три года за счет снижения доли тех, кто откладывает эту перспективу. Для молодых людей в возрасте 25-35 лет этот сдвиг выглядит более выпукло, чем для всех респондентов репродуктивного возраста.

Итак, следует, видимо, признать, что стимулирующие меры социально-демографической политики обусловили, по меньшей мере, конъюнктурный тайминговый сдвиг в ожидаемом календаре

рождений у поколений, находящихся в возрастах активного деторождения. В какой мере это вызовет или не вызовет фактические сдвиги в возрастном профиле российской рождаемости, покажет будущее. Вполне возможно, что все может ограничиться лишь временными колебаниями.

Данные, представленные в таблице 4, дают также возможность оценить ожидаемое распределение индивидов по числу когда-либо рожденных детей, и, соответственно, среднее ожидаемое число детей к концу репродуктивного цикла при сохранении зафиксированной в момент опроса структуры намерений в отношении каждого ребенка по порядку рождения. Для этого предположим, что все респонденты выполняют свои намерение когда-либо родить очередного ребенка и попытаемся оценить ожидаемую вероятность увеличения семьи, опираясь на ответы, представленные в приведенных выше таблицах 2 и 3 и используя для расчета пропорцию тех респондентов, которые ответили положительно («Да», «Пожалуй, да») в отношении очередного рождения (т.е. намерены родить в течении трех лет либо позже). Результаты расчета, как для всех респондентов, так и тех, кто находится в возрасте 25-35 лет, представлены в таблице 4. Там же, для сравнения, приведены результаты, полученные в результате построения специальной таблицы рождаемости по очередности рождений на основе официальных данных о рождениях в 2010 году. Показатели, получаемые в результате построения таких таблиц (таблиц для календарных лет или, что то же самое, для условных поколений), представляют собой ожидаемые оценки при условии неизменности возрастных функций рождаемости для каждой очередности рождения, зафиксированных в расчетном году.

Таблица 4. Ожидаемое распределение респондентов по числу когда-либо рожденных детей (%) и среднее ожидаемое число рождений при реализации намерений, высказанных в 2004, 2007 и 2011 гг., в сравнении с аналогичными показателями, полученными в результате построения таблицы рождаемости по очередности рождений на основе данных о состоявшихся рождениях в 2010 г.

Число детей	По ответам всех респондентов			По ответам респондентов в возрасте 25-35 лет			Фактическое распределение в 2010 г.
	2004	2007	2011	2004	2007	2011	
0	14	17	20	9	15	13	16
1	41	41	45	27	22	25	34
2	39	35	30	46	43	42	35
3+	6	7	5	18	20	20	15
Итого	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Среднее ожидаемое число рождений	1,38	1,31	1,21	1,83	1,81	1,78	1,57

Источник – Расчеты автора на основе базы данных трех волн выборочного исследования РидМиЖ, проведенных в 2004, 2007 и 2011 гг. Фактическое распределение - расчет на основе неопубликованных данных Росстата.

К каким же выводам о перспективах рождаемости в России мы приходим?

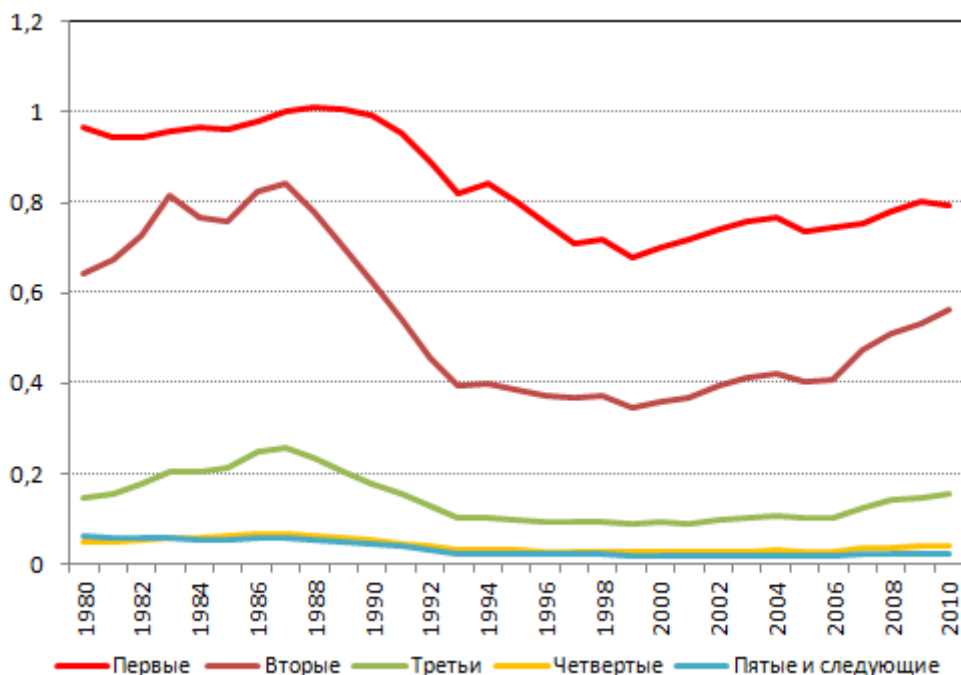
Во-первых, никаких оснований для ожиданий роста рождаемости не прослеживается. Более того, нельзя исключить возможность снижения в перспективе доли людей, у которых будет два и более рождений к концу репродуктивного цикла, и соответствующего снижения среднего ожидаемого числа рождений. Эффективность «стимулирующих» мер государственной политики может быть поставлена под сомнение. Уровень итоговой рождаемости в 1,6 рождения в расчете на одну женщину едва ли будет существенно превышен в ближайшей перспективе.

Во-вторых, если рассматривать намерения 25-35-летних респондентов в качестве верхней планки ожидаемого распределения по числу когда-либо рожденных детей, а намерения всей совокупности опрошенных - в качестве нижней границы этого распределения, то приходим к непротиворечивому соответствию с результатами демографического анализа рождаемости для условных поколений в России, наблюдаемой в 2010 году. Если также принять во внимание данные о российской рождаемости в проекции реальных поколений, о чем пойдет речь ниже, то можно сформулировать важный вывод, заключающийся в том, что намерения людей, замеренные на основе трех волн опросов по программе РидМиЖ, на среднем уровне находятся в непротиворечивом соответствии с фактической реализацией этих намерений – показателями рождаемости, оцениваемыми на основе текущих данных официальной статистики.

Рост рождаемости не привел к значительному сокращению ожидаемого числа окончательно бездетных женщин

Низкий уровень рождаемости в России связан с массовым распространением однодетной семьи и, соответственно, с очень высокой долей первенцев в общем числе родившихся. Для более глубокого понимания происходящих с рождаемостью изменений необходимо знать, что происходит с долей первенцев, за счет каких детей по порядку рождения их у матери меняются текущие обобщающие показатели.

Распределение рождений по очередности у матери – важная исходная информация для углубленного изучения рождаемости и оценки такой важнейшей ее характеристики, как вероятность увеличения семьи. К сожалению, после 1998 года российские исследователи лишены возможности полноценно использовать этот индикатор. Несмотря на постоянно декларируемый на политическом уровне интерес к проблеме рождаемости, центральные статистические органы России, в отличие от других стран, не ведут всеохватывающей разработки данных по очередности рождения: ныне действующий Закон об актах гражданского состояния (фактически вступил в действие в 1999 году), вопреки международной и предыдущей отечественной практике, не предусматривает записи о порядковом номере рождения у матери в исходном для статистики документе – акте о рождении. Тем не менее, многие местные статистические органы продолжают (фактически в нарушение действующего законодательства) на добровольной основе собирать соответствующую информацию и предоставлять ее в Росстат. Охват российских территорий такой инициативой сохраняется достаточно большим, они расположены во всех географических зонах (правда, состав этих территорий год от года несколько меняется) и дали в 2010 году 76,5% всех рождений в стране (66,6% в 2006, 71,1% в 2007, 72,6% в 2008, 69,9% в 2009 годах), что позволяет, с определенными оговорками, распространить неполные данные на всю Россию. На рис. 4 и 5 представлены конечные результаты наших расчетов.

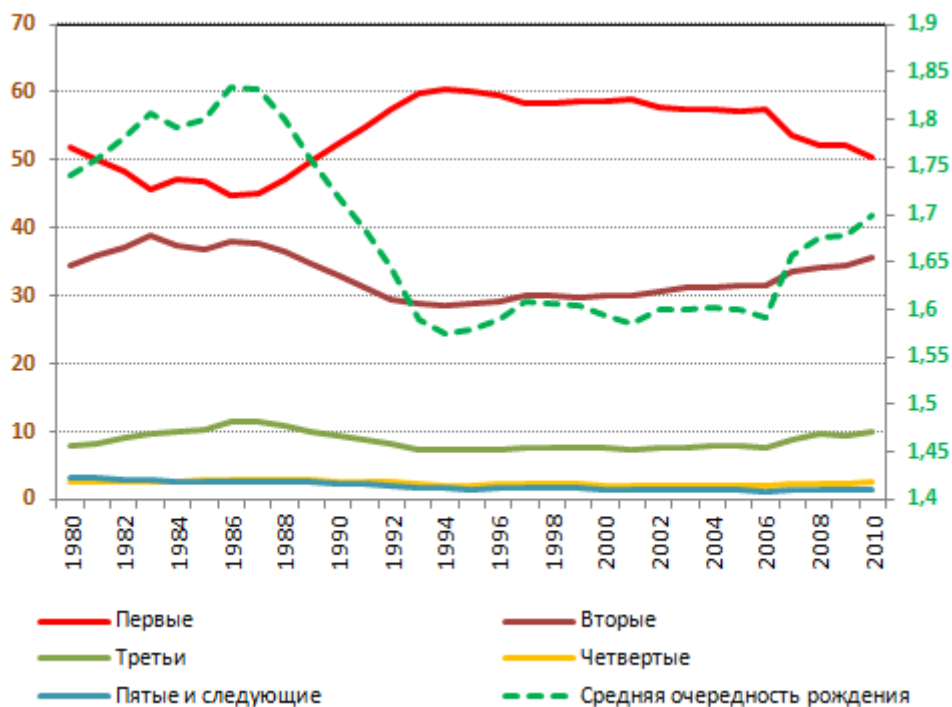

Рисунок 4. Итоговая (суммарная) рождаемость для каждой очередности рождения⁶, на одну женщину, 1980-2010

Источник: Расчеты автора с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп. При расчете показателей для 1995-2003 гг. была исключена Чеченская республика.

Обращает на себя внимание повышение в 2001-2005 годах, правда, очень небольшое, вклада в общую динамику рождаемости вторых и третьих рождений при медленном снижении вклада первенцев. Однако одновременно снижался и вклад четвертых и следующих рождений.

В 2007-2010 годах картина стала существенно иной. Суммарная рождаемость для первых рождений по сравнению с 2006 годом изменилась незначительно (в 2010 году она вновь снизилась), а для детей вторых и последующих очередностей значительно возросла (рис. 4). Увеличилось не только число вторых и третьих рождений, но даже четвертых и пятых. В результате вклад повторных рождений в общую рождаемость в стране заметно повысился, и структура рождаемости по очередности рождений вернулась на уровень первой половины 1990-х годов (рис. 5).

Рисунок 5. Вклад каждой очередности рождения в итоговую (суммарную) рождаемость, %, и средняя очередность рождения (правая ось), 1980-2009

Примечание. См. примечание к рис. 3. Показатель рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взята суммарная рождаемость для каждой очередности.

Источник: Расчеты автора с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп. При расчете показателей для 1995-2003 гг. была исключена Чеченская республика.

Снижение доли первых и одновременно четвертых и последующих рождений длительное время взаимно компенсировали друг друга, так что средняя очередность рождения (СОР) в 1993-2006 годах колебалась вокруг одного и того же уровня – 1,6 (рис. 5, правая ось). Структурные изменения рождаемости в 2007-2010 годах привели к его повышению до 1,68. Прирост значения этого показателя в последние четыре года вполне соответствует приросту, наблюдавшемуся в первой половине 1980-х годов, когда, как известно, были впервые введены в действие отпуска по уходу за ребенком и комплекс других мер семейной политики.

Для реальных поколений женщин расхождений между средней очередностью рождений и итоговым показателем рождаемости не может быть, это, по сути, один и тот же показатель – среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину к концу детородного периода. Для условных поколений в случае плавных изменений возрастной модели рождаемости и стабильной доли ни разу не рожавших женщин расхождения между показателями также минимальны, как это, например, имело место в 1980 и 1990 годах.

Однако в случае резких изменений календаря рождений, которому следует среднестатистическая женщина, или, иначе, резких изменений средних темпов формирования окончательного размера потомства в реальных поколениях, расхождения между этими характеристиками уровня рождаемости для условных и реальных поколений становятся неизбежными, причем они тем больше, чем значительнее меняются средние темпы формирования семьи. В случае ускорения темпов – дети рождаются у родителей в более молодом возрасте, чем прежде, – коэффициент

суммарной рождаемости дает завышенную оценку действительного уровня рождаемости и, соответственно, превышает СОР. Пример тому - ситуация середины 1980-х годов, когда введенные в действие в 1981 году меры семейной политики вызвали дезорганизацию прежнего календаря рождений среднестатистической женщины – значительное число женщин 1960-х годов рождения поспешило обзавестись потомством, в первую очередь, вторым ребенком, на несколько лет раньше, чем можно было ожидать без этих мер. Коэффициент суммарной рождаемости подскочил с 1,89 в 1980 до 2,23 в 1987 году, или более чем на 0,3 ребенка в расчете на одну женщину. В действительности, демографический эффект от этих мер политики был куда менее значимым, поскольку семьи не столько поменяли свои намерения в отношении окончательного размера своего потомства, сколько пересмотрели «расписание» их появления на свет, на что и указывает слабая реакция показателя СОР (1,74 в 1980 и 1,83 в 1987 году, разница всего в 0,09 ребенка, очень близкая по величине к оценке положительного влияния политики на величину итоговой рождаемости реальных поколений⁷.

С середины 1990-х годов наблюдалась обратная картина – показатель средней очередности рождения заметно превышал коэффициент суммарной рождаемости. Следовательно, имеет место существенное замедление темпов формирования семьи – поколения женщин, родившиеся в 1970-х и 1980-х годах, обзаводятся детьми в более позднем возрасте, чем предшествующие поколения. Соответственно, коэффициент суммарной рождаемости, рассчитанный для календарных лет (для условных поколений), дает заниженную оценку итоговой рождаемости, которую следует ожидать от поколений, находящихся в активных прокреативных возрастах и переживающих сегодня процесс трансформации возрастной модели рождаемости в сторону постарения.

Место России по уровню рождаемости в ряду развитых стран

На протяжении всего послевоенного периода ведущей тенденцией было сближение уровней рождаемости в большинстве индустриально развитых стран. Несмотря на некоторые отличия в фазах колебаний коэффициента суммарной рождаемости, зачастую вызванных вводимыми время от времени мерами семейной политики, Россия и все другие страны Восточной Европы не были исключением (рис. 6).

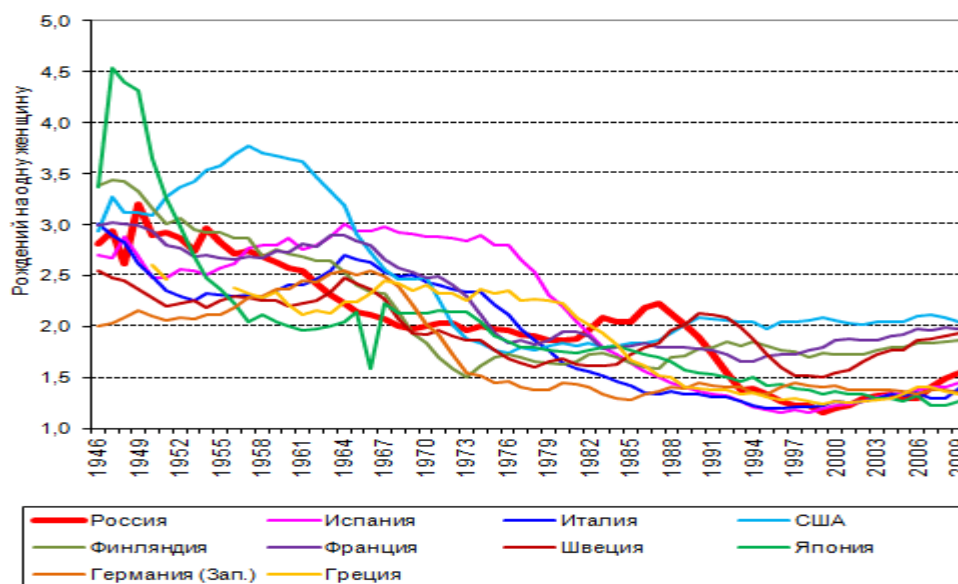

Рисунок 6 - Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых развитых странах в 1946-2009 годах

Источник: база данных ИДЕМ НИУ ВШЭ (<http://www.demoscope.ru>)

Лишь в середине 1980-х годов Россия выделялась на общем фоне более высокими значениями коэффициента суммарной рождаемости, но это продолжалось очень недолго, и уже с конца 1980-х произошло резкое падение показателя, которое снова привело Россию в группу стран с самой низкой рождаемостью, число которых к этому времени резко выросло. Если в 1980 году среди 40 промышленно развитых стран Россия занимала 27-е место, а в 1990 – даже 17-е место, то к 2000 году она опустилась на 38-ю позицию.

При этом положение России не было исключительным. В последнем десятилетии XX века коэффициент суммарной рождаемости упал до уровня ниже 1,4 во многих странах, Россия была близка к таким разным странам Центральной, Восточной и Южной Европы, как Болгария, Латвия, Чехия, Испания, Словения, Греция, лишь немного в меньшую сторону отличалась по уровню рождаемости от Швейцарии, Канады, многих других вполне благополучных или бурно развивающихся в экономическом отношении стран мира. Такой же уровень рождаемости, как и в России, был в Японии, где, как и в России, демографический переход от высокой рождаемости к низкой начался несколько позднее, чем в Западной Европе. Нужно ли говорить, что по уровню рождаемости и его динамике Россия почти неотличима от стран Восточной Европы и новых независимых государств, образовавшихся на европейском пространстве бывшего СССР? Существенные отличия в характере социально-экономических реформ, проводимых на постсоциалистическом пространстве, в динамике уровня жизни и затрат на семейную политику в различных странах оказываются менее значимыми, чем общая направленность изменений социальной среды и мотивационной основы формирования семьи и рождаемости в молодых поколениях.

Подобное же сближение стран между собой демонстрируют не только моментные характеристики уровня рождаемости (для календарных периодов), но и когортные показатели (по году рождения женских поколений). Это сближение с Западом и динамично развивающимися странами Юго-Восточной Азии представляется совершенно естественным в силу большого сходства таких ключевых для демографического поведения факторов, как степень урбанизации и образ жизни в городах, уровень образования населения, изменившееся положение женщины в обществе и семье, требования, предъявляемые к подрастающим поколениям, ощущение родителями ответственности за будущее детей, растущая автономия молодежи и пожилых от семейного ядра и т. п. Продолжающиеся социально-экономические изменения еще больше усиливают сходство России с Западом, а тем самым и действие факторов, предопределяющих конвергентное демографическое развитие.

Для того чтобы население не убывало при современном режиме смертности, рождаемость должна поддерживаться на уровне не ниже 2,1. Непосредственно вблизи такого порога среди индустриально развитых стран находились в 2009 году только Ирландия (2,07), США (2,05), Франция (1,99), Новая Зеландия, Норвегия (1,98), Швеция (1,94). Во всех остальных странах перспектива негативного естественного прироста, и, соответственно, депопуляции более чем очевидна.

По принятой среди экспертов классификации, к низким относятся значения коэффициента суммарной рождаемости (КСР) в пределах 1,8-2,2, к очень низким – 1,5-1,7, к сверхнизким – 1,4 и ниже. Распределение развитых стран мира в 1995, 2006 и 2009 гг. в соответствии с этой классификацией представлено в табл. 5.

Россия, пережив за десять лет после 1995 года снижение и повышение показателей рождаемости, оставалась в группе стран со сверхнизкими их значениями. В 1995 году с коэффициентом суммарной рождаемости, равным 1,34, она занимала 31-32 место среди 40 стран, в 2006 году, примерно с тем же значением (1,38) - 19-20 место. В 2009-2010 годах, в результате ускоренного роста после 2006 года, показатель достиг 1,5 и вышел из зоны сверхнизких значений.

Бросается в глаза, что за 10 лет между 1995 и 2006 годами число стран, находящихся по значению коэффициента суммарной рождаемости вблизи границы простого воспроизводства, сократилось, а демонстрирующих сверхнизкие его значения, напротив, значительно увеличилось. В то же время в

последние годы некоторое увеличение коэффициента отмечается практически во всех развитых странах, в том числе и в странах, находящихся в зоне сверхнизких значений. В результате число стран в этой зоне стало сокращаться (в 2009 году таких стран стало 20). В промежуточной зоне, в которой находится сейчас Россия (коэффициент суммарной рождаемости в пределах 1,5-1,7), число стран также уменьшилось до 8.

Таблица 5. Распределение 40 развитых стран мира по величине коэффициента суммарной рождаемости (итоговой рождаемости условного поколения) в 1995, 2006 и 2009 годах

Коэффициент суммарной рождаемости	1995	2006	2009
1,8-2,1	<ol style="list-style-type: none"> 1. Австралия 2. Дания 3. Ирландия 4. Македония 5. Новая Зеландия 6. Норвегия 7. Сербия и Черногория 8. США 9. Финляндия 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Австралия 2. Ирландия 3. Новая Зеландия 4. Норвегия 5. США 6. Франция 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Австралия 2. Великобритания 3. Дания 4. Ирландия 5. Новая Зеландия 6. Нидерланды 7. Норвегия 8. Сербия и Черногория 9. США 10. Франция 11. Финляндия 12. Швеция
1,5-1,7	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бельгия 2. Босния и Герцеговина 3. Великобритания 4. Венгрия 5. Канада 6. Литва 7. Молдавия 8. Нидерланды 9. Польша 10. Республика Корея 11. Словакия 12. Франция 13. Хорватия 14. Швейцария 15. Швеция 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бельгия 2. Великобритания 3. Дания 4. Канада 5. Македония 6. Нидерланды 7. Португалия 8. Сербия и Черногория 9. Финляндия 10. Швеция 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бельгия 2. Болгария 3. Канада 4. Литва 5. Португалия 6. Россия 7. Словения 8. Эстония
1,2-1,4	<ol style="list-style-type: none"> 1. Австрия 2. Белоруссия 3. Болгария 4. Германия 5. Греция 6. Испания 7. Италия. 8. Латвия 9. Португалия 10. Россия 11. Румыния 12. Словения 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Австрия 2. Белоруссия 3. Болгария 4. Босния и Герцеговина 5. Венгрия 6. Германия 7. Греция 8. Испания 9. Италия 10. Латвия 11. Литва 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Австрия 2. Белоруссия 3. Босния и Герцеговина 4. Венгрия 5. Германия 6. Греция 7. Испания 8. Италия 9. Латвия 10. Македония 11. Молдавия

	13. Украина 14. Чешская Республика 15. Эстония 16. Япония	12. Молдавия 13. Польша 14. Республика Корея 15. Россия 16. Румыния 17. Словакия 18. Словения 19. Украина 20. Хорватия 21. Чешская Республика 22. Швейцария 23. Эстония 24. Япония	12. Польша 13. Республика Корея 14. Румыния 15. Словакия 16. Украина 17. Хорватия 18. Чешская Республика 19. Швейцария 20. Япония
--	--	---	---

В динамике рождаемости по странам за последнее десятилетие не прослеживаются сколько-нибудь значимые связи, которые позволяли бы однозначно ассоциировать изменения с успехами экономического развития или с проводимой экономической и социальной политикой государства. Следует, правда заметить, что, как правило, чем более низким было достигнутое минимальное значение коэффициента суммарной рождаемости, тем более значительным был последующий прирост.

Ранжирование стран по уровню итоговой рождаемости реальных поколений несколько меняет представление о том, в каких странах рождаемость, и, следовательно, число детей в семьях выше или ниже. Так, текущий рейтинг России, при переходе к оценке уровня рождаемости на основе показателей рождаемости для реальных поколений, заметно понижается (табл. 6). Она занимает 33-34 место среди 40 развитых по показателю итоговой рождаемости когорт 1955-1959, 1960-1964 и 1965-1969 годов рождения (с учетом Республики Корея, не представленной в таблице). Женские поколения данных годов рождения практически уже завершили свою репродуктивную деятельность, и показатели рождаемости для них могут рассматриваться как окончательные. Ближайшее рейтинговое окружение России выглядит следующим образом: Греция, Белоруссия, Швейцария, Украина (рождаемость когорты 1965-1969 годов рождения в этих странах выше не более, чем на 0,1 рождений в расчете на одну женщину), Япония, Германия (Восточные и Западные земли), Италия, Испания (рождаемость той же когорты чуть ниже, чем в России) (табл.6).

Таблица 6. Итоговая рождаемость реальных поколений в 39 развитых странах мира, женские когорты 1955-1959, 1960-1964 и 1965-1969 годов рождения

Страна	Годы рождения когорт			Изменение (3) - (1)
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	
	1	2	3	
Ирландия	2,55	2,32	2,15	-0,40
Новая Зеландия	2,34	2,30	2,24	-0,10
Македония	2,28	2,24	2,17	-0,11
Сербия и Черногория	2,25	2,21	2,04	-0,21
Словакия	2,20	2,13	1,98	-0,22
Польша	2,19	2,11	1,94	-0,25
Австралия	2,21	2,10	2,00	-0,21
Молдавия	2,42	2,18	1,96	-0,46

Норвегия	2,07	2,09	2,04	-0,03
Румыния	2,23	2,06	1,74	-0,49
Франция	2,13	2,06	1,99	-0,14
США	1,98	2,02	2,08	0,10
Швеция	2,04	2,01	1,92	-0,12
Венгрия	1,99	2,01	1,92	-0,07
Чехия	2,06	1,99	1,88	-0,18
Великобритания	2,01	1,94	1,86	-0,15
Хорватия	1,95	1,94	1,84	-0,11
Эстония	2,01	1,94	1,81	-0,20
Финляндия	1,93	1,94	1,89	-0,04
Дания	1,86	1,91	1,93	0,07
Болгария	2,02	1,89	1,75	-0,27
Латвия	1,88	1,87	1,74	-0,14
Босния и Герцеговина	1,91	1,86	...	...
Португалия	1,99	1,86	1,77	-0,22
Греция	1,95	1,84	1,69	-0,26
Словения	1,94	1,83	1,72	-0,22
Нидерланды	1,87	1,82	1,75	-0,12
Бельгия	1,83	1,82	1,74	-0,09
Канада	1,84	1,78	1,71	-0,13
Литва	1,93	1,78	1,72	-0,21
Украина	1,89	1,78	1,61	-0,28
Белоруссия	1,91	1,77	1,63	-0,28
Россия	1,86	1,75	1,59	-0,27
Швейцария	1,75	1,73	1,62	-0,13
Япония	1,93	1,73	1,52	-0,41
Германия (Вост. земли)	1,82	1,71	1,52	-0,30
Испания	1,86	1,69	1,53	-0,33
Австрия	1,73	1,66	1,59	-0,14
Италия	1,75	1,60	1,46	-0,29
Германия (Зап. Земли)	1,60	1,55	1,48	-0,12

Примечания: Страны указаны в порядке уменьшения значения показателя итоговой рождаемости для поколения 1960-1964 годов рождения. Германия представлена двумя частями – Восточными и Западными землями по причине разного уровня рождаемости и тенденций ее изменения в период до объединения в рамках единого государства.

Источник: рассчитано на основе базы данных ИДЕМ НИУ ВШЭ (<http://www.demoscope.ru>)

Снижение рождаемости реальных поколений - ведущая тенденция для всей совокупности развитых стран. Статистически заметное повышение рождаемости продемонстрировали лишь Дания (+0,07 детей на одну женщину) и США (+0,1). Практически не меняется уровень рождаемости в Норвегии и Финляндии. Самое быстрое снижение рождаемости для когорт,

разделенных десятилетним периодом – 1955-1959 и 1965-1969 годов рождения - демонстрируют Румыния (-0,49), Молдавия (-0,46), Япония (0,41), Ирландия (-0,40), Испания (-0,33), Восточные земли Германии (-0,30), Италия (-0,29), Белоруссия, Украина (-0,28), Болгария и Россия (-0,27), Греция (-0,26), Польша (-0,25), Португалия, Словакия, Словения (-0,22). Правда, в Ирландии и Молдавии такие быстрые темпы снижения, по крайней мере, отчасти, связаны с завершением демографического перехода к низкой рождаемости, т.е. со снижением от высоких уровней – 2,5 ребенка на одну женщину для когорты 1955-1959 годов рождения.

Подводя итог краткому анализу местоположения России в ряду развитых стран по уровню рождаемости и его изменению в последнее десятилетие, констатируем:

а) ситуация, сложившаяся в России далеко не уникальна для развитого мира. Близкий к российскому уровень рождаемости имеют страны с различным уровнем экономического благополучия, с различной структурой экономики, с различным уровнем развития социальной и семейной политики;

б) наиболее сходным образом с российской развивается ситуация в Литве, Украине, Белоруссии, в некоторых странах Центральной Европы, в странах Южной Европы: Греции, Испании, Италии, Португалии, Словении, а также в Канаде и Швейцарии.

Соответственно, прогнозируя рождаемость для России, следует учитывать, что на фоне развитых стран ее уровень уже давно ниже среднего, и темпы снижения в послевоенных когортах выше среднего. Ожидаемый показатель итоговой рождаемости для российских женских поколений 1975-1979 годов рождения, входящих в настоящий момент в 30-35-летний возраст, едва ли превысит 1,6 ребенка в расчете на одну женщину,

При моделировании перспективных изменений возрастной функции рождаемости, о чем пойдет речь ниже, нельзя не обратить внимание на опыт стран Южной Европы, в которых уровень рождаемости такой же, как и в России, но он базируется на существенно более позднем материнстве, в то время как уровень социальной поддержки семей наименее развит среди западных стран.

Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости

Вот уже не одно десятилетие в большинстве развитых стран набирает силу социально-демографический процесс, получивший название «Второго демографического перехода» (Р.Лестег, Д. Ван де Каа и др.). Этот переход связан с фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека и в системе индивидуального брачно-семейного планирования, с расширением свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни, с более ответственным подходом к последствиям сексуальных отношений, с более высокой, чем прежде, эффективностью планирования сроков появления потомства - одним словом, с возросшими возможностями каждого человека управлять своей индивидуальной демографической судьбой. Среди главных следствий, оказывающих влияние на рождаемость:

- абсолютный и относительный рост числа незарегистрированных браков, более или менее длительных добрачных союзов, сепараций (раздельного проживания партнеров) при одновременном быстром уменьшении доли скоропалительных, вынужденных браков, стимулированных добрачной и внебрачной беременностью в юном возрасте;
- рост среднего возраста вступления в регистрируемый брак, среднего возраста рождения первого ребенка и среднего возраста материнства в целом;
- рост доли внебрачных рождений при увеличении среднего возраста матери при рождении внебрачного ребенка за счет опережающего роста внебрачной рождаемости в средних возрастах;
- уменьшение эксцесса (островершинности) возрастного распределения рождений, постепенное перемещение модального возраста из возрастной группы 20-24 года в

возрастную группу 25-29 лет (а в некоторых странах даже в возрастную группу 30-34 года), резкое уменьшение вклада в итоговые показатели рождаемости самой молодой возрастной группы 15-19-летних матерей и повышение вклада старших возрастных групп матерей (старше 30 лет) до уровня, характерного для молодых матерей до 25 лет, а затем и превышающего его, в результате чего распределение рождений становится более равномерным по возрастной шкале.

Теперь формирование итоговой рождаемости в западных странах начинается и завершается в гораздо более зрелом возрасте. Получение образования и поиск первой работы в развитых странах, как правило, не "утяжеляется" проблемами, связанными с выполнением материнских функций. По этой причине низкий вклад молодых женщин (до 25 лет и особенно до 20 лет) в общий уровень рождаемости компенсируется повышением вклада женщин средних и старших возрастов.

До начала 1990-х годов все эти перемены относительно слабо затрагивали Россию. Для большинства населения нашей страны был характерен резко выраженный "допереходный" вариант возрастной кривой рождаемости: ее резкая асимметрия, связанная с высокой концентрацией рождений у молодых матерей. Более того, вплоть до 1993 года брачность и рождаемость в России "молодели", следуя долговременной более чем тридцатилетней тенденции. Концентрация рождений в младших возрастных группах матерей достигла очень высоких величин, тогда как вклад возрастных групп старше 25 лет падал на протяжении многих десятилетий (за исключением короткого периода середины 1980-х годов). В результате, к началу 1990-х годов показатель итоговой рождаемости для условных поколений (коэффициент суммарной рождаемости) в России более чем на половину обеспечивался деторождением матерей, не достигших 25 лет. К этому времени в развитых странах Запада, при сходном уровне рождаемости, вклад матерей до 25 лет составлял повсеместно менее 40%, а в целом ряде европейских стран был около 20%. Таким образом, формирование семьи в России начиналось и заканчивалось очень рано.

Лишь в последние десять-пятнадцать лет появились все признаки того, что и население России все более уверенно движется по пути второго демографического перехода, что влекло за собой изменение модели формирования семьи.

Во-первых, с середины 80-х годов существенно увеличилась доля внебрачных рождений, что косвенно свидетельствует о широком распространении форм супружества, отличных от традиционной модели регистрируемого брака. Перепись населения 2002 года и выборочные обследования, проведенные в последние годы, показывают, что с середины 1990-х годов эти перемены ускорились. Традиционная слитность сексуального, брачного и репродуктивного поведения, уходящая своими корнями в далекое историческое прошлое человечества, окончательно сдает свои позиции в России. Есть основания утверждать, что получает распространение откладывания первенца в уже сложившихся брачно-партнерских союзах, чего никогда не знало российское население.

Во-вторых, возраст жениха и невесты при заключении первого брака в России быстро увеличивается (с 1994 года) и, по имеющимся оценкам, сейчас уже превышает средний возраст вступления в брак, наблюдавшийся в 1970-х и 1980-х годах.

В-третьих, снижение рождаемости сопровождается сокращением распространенности аборт, что можно трактовать как активно протекающую перестройку в области планирования семьи. За последние два десятилетия в России было достигнуто двукратное снижение частоты производства аборт. Можно быть уверенным, что переход от аборт к эффективным средствам и методам контрацепции в России приобрел массовый и необратимый характер. Особенно наглядно вытеснение аборт контрацепцией демонстрируют самые молодые женщины – быстрое снижение рождаемости в поколениях, родившихся с конца 1960-х годов, не сопровождалось ростом числа аборт, напротив, шло его быстрое снижение. Впервые в России получает

распространение планирование появления на свет первого ребенка, что раньше было скорее исключением, чем правилом.

В-четвертых, в 1991 году, после длительного периода роста, началось снижение рождаемости в возрасте до 20 лет (за последующие двадцать лет оно оказалось двукратным), что может рассматриваться как указание на необратимый переход к новой возрастной модели рождаемости. С 1994 года наметилось снижение вклада в итоговую величину рождаемости группы матерей в возрасте 20-24 года, тогда как вклад старших групп повышается и в абсолютном, и в относительном измерении. Максимум интенсивности рождений в 2009-2010 годах впервые с 1930-х годов переместился из возрастной группы 20-24 года в группу 25-29-летних женщин. Соответственно повышается средний возраст женщины при рождении первенца и средний возраст материнства в целом.

Поскольку эти комплексные и взаимосвязанные изменения продолжаются в России уже второй десяток лет, их едва ли можно считать конъюнктурными колебаниями. Учитывая, что все страны Восточной, Центральной Европы и Балтии, по мнению большинства специалистов, ускорено продвигаются по пути второго демографического перехода, трудно представить, что Россия окажется исключением.

Второй демографический переход означает непростую адаптацию всей модели демографического поведения к меняющемуся стилю жизни, что, как правило, имеет следствием, особенно на более ранних этапах перехода, не только изменение формы возрастной кривой, но и снижение общего уровня рождаемости. Возможно, этим объясняется сходство тенденций в России и в странах Центральной и Южной Европы, равно как их общее отличие от стран Северной и Западной Европы, где переход начался много раньше и в меньшей мере был затруднен препятствиями идеологического или религиозного характера, а также не стимулировался резкими экономическими переменами.

В России переход к новой модели рождаемости испытывал и, видимо, будет испытывать в ближайшие десятилетия влияние меняющейся социальной и экономической реальности. Степень ответственности при заключении брака и принятии решений о рождении детей, учет при этом текущего материального благосостояния, скорее всего, будут повышаться, приводя к дальнейшему повышению среднего возраста вступления в первый брак и среднего возраста матери при рождении ребенка. Очевидная тенденция к увеличению сроков получения профессионального образования, повысившаяся тяга молодых мужчин и женщин к получению высшего образования дают дополнительные импульсы для сдвигов времени обзаведения потомством к более поздним возрастам. Как показывают выборочные обследования общественного мнения, молодые поколения в России, как и их ровесники в других европейских странах, голосуют за более поздний возраст начала формирования семьи. Все это дает основания ожидать, что основные перемены в рождаемости в России также будут связаны с перестройкой возрастной кривой по пути, которые уже прошли и проходят западные, а теперь уже и большинство стран Восточной и Центральной Европы после начала политических перемен в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Уроки прежних прогнозов рождаемости, выполненных в ЦДЭЧ ИНП РАН/ ИДЕМ ГУ ВШЭ

Первый прогноз рождаемости для России, опиравшийся на концепцию второго демографического перехода, был подготовлен нами в 1993 году, когда последние доступные фактические данные ограничивались 1992 годом. К этому моменту лишь очень немногие социально-демографические индикаторы в России демонстрировали начало перемен, обычно ассоциирующихся с началом второго демографического перехода. В то же время уже тогда можно было предположить, что, в связи с начавшимися в стране переменами, модель раннего формирования семьи в России должна рано или поздно уступить место более рациональной модели, характерной для стран с развитой рыночной экономикой и быстрым увеличением длительности профессионального образования. При построении прогнозных гипотез мы тогда активно использовали опыт стран

Южной Европы (Греции, Испании, Италии), находившихся в активной фазе изменения модели рождаемости, и некоторых других стран, в частности, Венгрии, Словении и Хорватии, в которых, в отличие от России, первые признаки изменений тогда себя уже обнаружили. Ситуация, сложившаяся к тому времени в странах Западной и Северной Европы, в которых переходные процессы зашли достаточно далеко, служила в качестве отдаленной перспективы.

В ходе анализа данных по различным странам и их обобщенного моделирования, выяснилось, что, если следовать логике второго демографического перехода (увеличение среднего возраста материнства от поколения к поколению при более-менее стабильной величине итоговой рождаемости), то в России перспектива резкого падения показателей рождаемости для календарных лет (коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений) практически неизбежна. Мы предполагали, что фаза быстрого падения конъюнктурных показателей рождаемости будет длиться около пяти лет и закончится к середине 1990-х годов на уровне КСР около 1,25-1,29 в расчете на одну женщину (так, по крайней мере, подсказывал усредненный европейский опыт). Затем должна была последовать фаза подъема, связанная с реализацией отложенных рождений, и фаза длительной стабилизации КСР на уровне 1,6 после 2005 года (табл.3).

В целом этот давний прогноз можно признать удачным. Он был верен в главном – трансформация возрастной модели рождаемости в России в направлении более позднего материнства фактически состоялась. В то же время мы недооценили: а) возможную тяжесть и длительность экономических преобразований в стране и их последствий для российских семей; б) быстроту распространения среди молодежи эффективных средств предотвращения нежелательных беременностей. В результате быстрое падение коэффициентов рождаемости в возрастах до 25 лет не компенсировалось соответствующим увеличением коэффициентов рождаемости в старших возрастных группах, как это должно было происходить в соответствии с нашими сценариями, и КСР задержался на низком уровне (1,2-1,3) дольше, чем предполагалось.

Прогноз образца 2002 года, также основанный на концепции Второго демографического перехода, создавался под сильным влиянием стагнации уровня рождаемости на очень низком уровне в России и в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, наблюдавшейся во второй половине 1990-х годов. Кроме того, в тот период никаких более или менее заметных попыток вмешательства в семейные дела российское государство не предпринимало. В целом этот прогноз был самым пессимистическим из всех наших прогнозов в отношении нижнего сценария для всего периода упреждения. В то же время он был достаточно оптимистичным в отношении верхнего сценария, и, в конце концов, он очень хорошо предугадал последующие изменения рождаемости (табл.7). Так, положительная динамика показателей рождаемости в 2007-2009 годах, на удивление, практически не вышла за рамки верхней границы прогноза для тех же лет. В 2002 году, предполагая увеличение КСР, мы не столько рассчитывали на повышенное внимание государства к семейной политике, сколько на возможность ускоренной реализации давно отложенных рождений в ситуации общего улучшения благосостояния населения.

Таблица 7 - Суммарная (итоговая) рождаемость условных поколений для календарных лет в соответствии с прогнозами ЦДЭЧ ИНП РАН (1993, 2002), ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007) и фактические значения (официальные оценки Росстата) для тех же лет.

Горизонт прогноза	Прогноз ЦДЭЧ от базы 1992 года	Прогноз ЦДЭЧ от базы 2002 года	Прогноз ИДЕМ от базы 2006 года	Фактически (оценка Росстата)
Исходное значение	1,55	1,25	1,30	-
1995	1,27 (1,25-1,29)	-	-	1,34
2000	1,58 (1,54-1,62)	-	-	1,19
2005	1,60 (1,52-1,68)	1,32 (1,25-1,38)	-	1,29
2006	1,59 (1,50-1,69)	1,33 (1,25-1,41)	-	1,30

2007	1,60 (1,49-1,71)	1,35 (1,26-1,44)	1,34 (1,32-1,37)	1,41
2008	1,59 (1,47-1,71)	1,37 (1,26-1,47)	1,37 (1,34-1,41)	1,49
2009	1,60 (1,46-1,73)	1,38 (1,26-1,51)	1,41 (1,37-1,46)	1,54
2010	1,59 (1,45-1,72)	1,40 (1,26-1,54)	1,46 (1,42-1,51)	1,57
2015	1,59 (1,43-1,74)	1,49 (1,26-1,70)	1,58 (1,43-1,74)	
2020	-	1,56 (1,27-1,86)	1,60 (1,39-1,81)	
2030	-	1,65 (1,34-1,96)	1,64 (1,39-1,87)	

Примечание. В скобках указан минимаксный интервал в соответствии с нижним и верхним прогнозными сценариями.

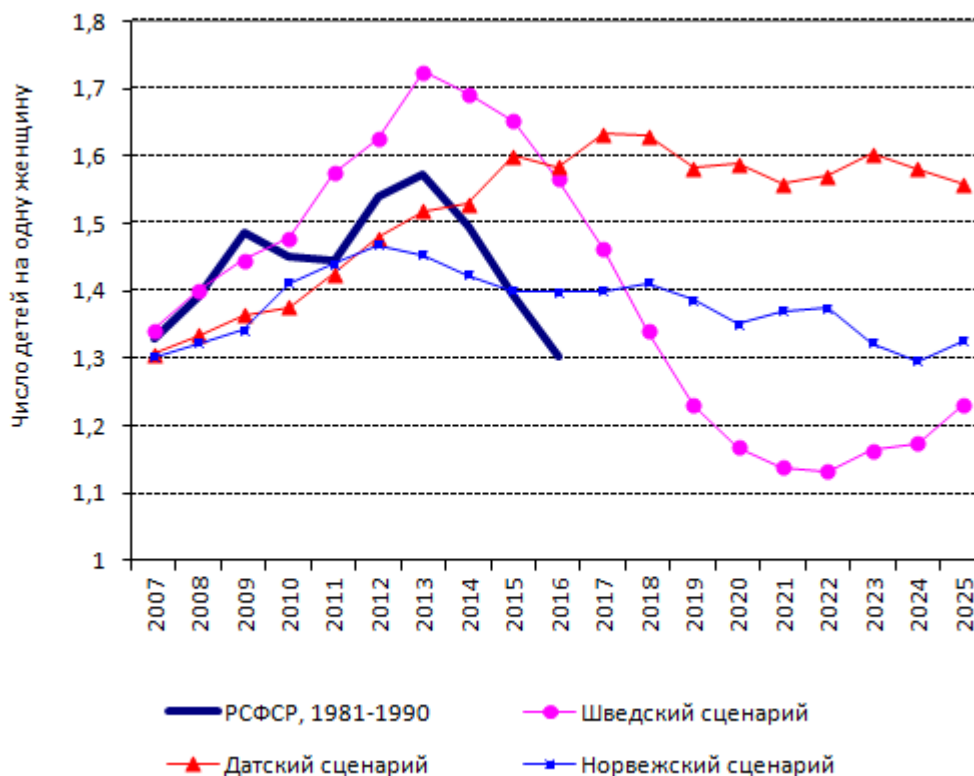
Источники: архивные данные ЦДЭЧ ИНП РАН и ИДЕМ НИУ ВШЭ.

Прогноз, выполненный в 2007 году и опирающийся на имевшиеся в нашем распоряжении данные 2006 года, был призван отразить наше отношение к возможной реакции населения на вводимые новые меры политики. В качестве основы для моделирования предполагаемого роста КСР использовалась динамика показателей в России в период активизации семейной политики (1982-1990 годы) и скандинавских стран (Дании, Норвегии, Швеции), также усиливших помощь семьям примерно в те же годы. Имевшийся отечественный и зарубежный опыт воздействия на рождаемость посредством специальных мер подталкивал нас к достаточно консервативной оценке возможных перспектив.

На новые меры политики все страны отреагировали в те годы существенным ростом конъюнктурных показателей: в Швеции за семь лет прирост КСР составил 0,52 ребенка на одну женщину, в России и Норвегии за тот же период – на 0,37 и 0,27 соответственно, а в Дании – на 0,43, правда, за десять лет. Итак, фаза подъема длилась от 7 до 10 лет, а максимальный демографический эффект, выраженный в числе детей на одну женщину условного поколения, составил от 0,3 до 0,5. В дальнейшем ни одна страна не избежала отката показателей от достигнутого максимума. Россия уже к 1990 – последнему более или менее спокойному дореформенному году – потеряла 0,25 ребенка в расчете на одну женщину по сравнению с достигнутым максимумом, т.е. фактически столько же, сколько приобрела. Швеция, в которой прирост был наиболее весомым, потеряла в последующие годы еще больше – 0,6, и фаза спада была симметричной фазе подъема. В Норвегии спад был более медленным, и потери составили чуть меньше приобретений – 0,18. Еще больше выиграла Дания, как за счет наиболее затяжной фазы подъема, так и слабого компенсационного спада. Впрочем, Дания и стартовала с наиболее низких позиций - КСР к началу подъема в этой стране составлял 1,38, что ближе всего к уровню рождаемости России в 2006-2007 годах.

При повторении сценариев, реализовавшихся в указанных странах, российский КСР должен был меняться так, как отражено на рис. 7.

Рисунок 7 - Предположительная динамика коэффициента суммарной рождаемости в России в 2007-2025 годах при условии реализации сценариев изменения возрастных коэффициентов рождаемости в РСФСР в 1981-1990 годах, в Швеции, Дании в 1984-2003 и в Норвегии в 1985-2003 годах

Источник: Расчеты С.В.Захарова на основе базы данных ИДЕМ НИУ ВШЭ
(<http://www.demoscope.ru>)

Сценарии «советская Россия» и «шведский» оказывались достаточно близкими, и фазе подъема, и в фазе спада (особенно если сгладить российский провал показателей в 1984-1985 годах). Максимум коэффициента суммарной рождаемости достигает в 2013-2014 годах – 1,57 в соответствии с советским сценарием и 1,70 – в соответствии со шведским. В случае повторения «советско-шведского» сценария компенсаторный спад должен быть лавинообразным, и к исходному уровню показатель мог бы вернуться в 2016-2018 годах. К сожалению, при полном повторении данных сценариев, рождаемость не должна была задержаться на этом вновь обретенном прежнем уровне, и падение продолжалось бы до 2021-2022 годов, достигнув очень низких значений - менее 1,2 в соответствии со шведским сценарием.

Более плавное повышение рождаемости в течение пяти лет сближает «норвежский» и «датский» сценарии. За этот период коэффициент суммарной рождаемости должен был выйти на уровень 1,5. Далее, судьба показателя будет складываться по-разному: в соответствии с норвежским сценарием предстоит долгий 10-летний путь возврата к исходному состоянию (до уровня 1,3), а в соответствии с датским сценарием рост продолжался бы до отметки 1,6 в 2015 году, и около этого уровня 1,55-1,6 произошла бы долговременная стабилизация.

Итак, достигнуть провозглашенного в «Концепции демографической политики на период до 2025» в качестве целевого ориентира коэффициента суммарной рождаемости, равного 1,7, к 2015 году можно только в случае повторения бурного «российско-шведского» сценария. Проблема, однако,

состоит в том, как на достигнутом уровне удержаться? Российский и шведский опыт этому не учат. Датский сценарий, хотя и не выводит на «плановый» уровень, все же более выигрышен в долгосрочной перспективе, как в терминах условных поколений, так и, что более важно, в терминах реальных поколений, о чем говорилось выше.

При построении прогнозных сценариев рождаемости России в фазе подъема в ответ на меры 2007 года, мы принимали в качестве максимального варианта следование темпам изменения по «шведскому» типу без последующего отката (т.е. с продолжающимся замедленными темпами ростом после достижения коэффициента суммарной рождаемости, равного 1,7), а в качестве минимального варианта – рост и снижение с темпами, соответствующими «норвежскому» сценарию.

Фактическая динамика рождаемости за четыре года, прошедших после подготовки выше описанного прогноза, заставляет серьезно задуматься над дальнейшей перспективой изменения показателей.

Во-первых, спурт коэффициента суммарной рождаемости в 2007-2010 годах оказался слишком мощным, чтобы уложиться в рамки сценариев, принятых нами в предыдущем прогнозе (табл. 7). К 2010 году (т.е. за четыре года) прирост значения показателя составил 0,27. Столь высокие темпы редко встречались в развитых странах в последние десятилетия. Единственный пример – Швеция в 1980-х годах.

Во-вторых, демографическая теория и эмпирические наблюдения учат тому, что чем выше темпы изменения конъюнктурных показателей рождаемости (для календарных лет), тем в большей степени следует ожидать, что они происходят, в первую очередь, в результате сдвигов в календаре рождений (рождение вторых и последующих детей в более раннем возрасте и сокращение интергенетических интервалов), а не потому, что меняется итоговая величина рождаемости у реальных поколений. В результате происходит быстрое исчерпание потенциала роста коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений (то есть для календарных лет) за счет того, что слишком быстро уменьшается число женщин, способных произвести на свет очередного ребенка в следующем году. Есть основания полагать, что именно такая ситуация складывается сейчас в России.

В-третьих, вероятность рождения первых детей не увеличилась в 2007-2010 годах. Следовательно, потенциал для дальнейшего роста рождаемости в России еще больше сужается - если не повышается интенсивность первых рождений, то и нет базы для продолжения роста частоты повторных рождений.

Таким образом, мы вынуждены предположить:

- период увеличения конъюнктурных показателей рождаемости в России, весьма вероятно, окажется короче, чем можно было бы ожидать, исходя из прежнего отечественного и зарубежного опыта. Вместо ожидаемых 5-7 лет роста коэффициента суммарной рождаемости, мы можем столкнуться с тем, что увеличение показателя прекратится уже в 2011 году, т.е. на 1-3 года раньше;

- компенсаторный откат показателя к уровню 1,4 в России вполне реален. По крайней мере, на сегодняшний день мы не видим вероятных ситуаций, при которых удалось бы избежать падения или, в лучшем случае, временного прекращения роста. Теоретически размышляя, падения коэффициента суммарной рождаемости можно было бы избежать, если бы в 2009-2012 годах резко увеличилась вероятность первых рождений у женщин в возрастах до 25 лет и, одновременно, еще больше увеличилась бы вероятность третьих-четвертых рождений до уровней, превышающих пиковые значения середины 1980-х годов. Однако, на наш взгляд, шансы для столь радикального слома долгосрочных тенденций ничтожны.

Основные гипотезы прогноза на период до 2030 года

Наш анализ позволяет утверждать, что главные перемены в период до 2030 года будут связаны с перестройкой возрастной кривой рождаемости в сторону постарения, которая может идти быстрее или медленнее и сопровождаться постепенным сближением показателей итоговой рождаемости для условных и реальных поколений.

В то же время уровень рождаемости в ближайшие десять лет будет находиться под влиянием возмущающего эффекта, вызванного принятием в 2007 году стимулирующих мер семейной политики. Колебания конъюнктурных показателей рождаемости более вероятны, чем плавные эволюционные изменения.

Необходимо рассматривать несколько сценариев изменений, очертив всю зону вероятных изменений. Ее границы определяются двумя крайними сценариями - "верхним" и "нижним", между которыми - равноотстоящий от обеих границ "средний" вариант.

Оценивая **нижнюю границу** возможных изменений, мы исходим из того, что коэффициент суммарной рождаемости не может опуститься ниже уровня 1,3, поддерживавшегося в России в начале 2000-х годов. Наши соображения сводятся к следующему.

Во-первых, дальнейшее долговременное снижение коэффициента суммарной рождаемости до 1 и менее означало бы, что общество на массовом уровне переходит к модели однодетной семьи, семьи, имеющие двоих детей, превращаются в статистическое меньшинство, а бездетные пары статистически замещают всех тех, кто сегодня имеет двоих и более детей (женщины, ни разу не рожавшие живого ребенка, к возрасту 50 лет должны составлять в этом случае 25% и более в каждом поколении). В беллетристической футурологии такие гипотезы высказываются рядом авторов, в том числе и российских. Однако доказательной эмпирической базой, такие гипотезы не располагают. Ни одно социологическое обследование, проведенное в России и за рубежом, не показало, что население на массовом уровне отказывается от идеальной и желаемой модели двухдетной семьи и демонстрирует резкое усиление установки на добровольную бездетность. Для предположения об исчезновении в населении двухдетных семей у нас нет никаких оснований даже в отдаленной перспективе, а на ближайшие одно-два десятилетия такое предположение было бы абсурдным и в статистическом плане – когортная гетерогенность населения, этнорегиональная вариабельность рождаемости и инерционность демографической системы в целом таких пертурбаций за столь короткий, по демографическим меркам, срок не допускают по определению.

Во-вторых, в мире нет стран, где бы на национальном уровне поддерживался показатель итоговой рождаемости для условных поколений на уровне одного ребенка на женщину. Даже на восточных землях Германии, где на несколько лет рождаемость, падая в первые годы после объединения двух Германий, преодолела эту планку, в настоящий момент происходит повышение рождаемости (показатель находится на уровне 1,3), и специалисты не прогнозируют перспективу сохранения итоговой рождаемости для календарных периодов на столь низком уровне где бы то ни было. Итоговая же рождаемость реальных поколений, показатель гораздо более важный, значительно превышает значение 1,3 ребенка на одну женщину во всех странах, в том числе и в странах с самой низкой рождаемостью (в среднем итоговая рождаемость реальных поколений 1970-х годов рождения ожидается в Австрии, Восточной Германии, Италии, Испании, Греции, Швейцарии, Японии на уровне 1,5-1,7).

В-третьих, Россия – неоднородная страна в этнодемографическом плане: имеются целые регионы и отдельные народы, уровень рождаемости для которых все еще существенно отличается в большую сторону от уровня, характерного для крупнейших городов страны⁸, где в основном и сосредоточены однодетные семьи. Весьма маловероятно, что в обозримом будущем различия, скажем, между республиками Северного Кавказа или Сибири и С.-Петербургом (субъект Федерации с самой низкой на сегодня рождаемостью) совершенно исчезнут. То же можно сказать о сельско-городских различиях. Кроме того, оценивая перспективы повышения социальной, этнодемографической гомогенности населения, нельзя не учитывать возможное влияние на нее

миграции – миграционная привлекательность России для выходцев из регионов мира, характеризующихся высокой рождаемостью, вероятнее всего, будет усиливаться, что будет препятствовать повышению социальной, в том числе и демографической однородности общества. Об этом говорит, в частности опыт западных стран в последней четверти 20 века.

Все эти соображения служат основанием для того, чтобы на ближайшие 10-15 лет в качестве нижней границы прогнозируемого коэффициента суммарной рождаемости принять значение, равное 1,3. Возможно, в дальнейшем, за пределами 2030 года, после медленного подъема, минимальный коэффициент суммарной рождаемости будет колебаться вокруг уровня 1,4. Эта величина соответствует минимальной оценке ожидаемой величины итоговой рождаемости реальных поколений, родившихся во второй половине 1980-х годов, с учетом компенсаторного спада, который может последовать после исчерпания стимулирующего потенциала мер политики, введенных в действие в 2007 году.

Определяя **верхнюю планку** возможных изменений коэффициента суммарной рождаемости, мы учитываем обеспокоенность общества низкой рождаемостью и возможные политические усилия, направленные на ее повышение. Однако при этом нельзя не считаться и с мировым опытом, свидетельствующим о весьма ограниченных возможностях общества и государства воздействовать на рождаемость и процессы формирования семьи с целью повышения числа детей в семье. Пока этот опыт не дает оснований надеяться на то, что в ближайшие десятилетия в странах с низкой рождаемостью могут быть найдены рецепты повышения рождаемости до уровня, обеспечивающего устойчивое демографическое воспроизводство поколений и населения в целом.

Все страны, экспериментировавшие в области семейной и демографической политики с целью повышения рождаемости, добились более чем скромных успехов, если вообще имели таковой. Эффект, как правило, был кратковременным и выражался в сдвигах в календаре рождений у ряда реальных поколений, находившихся в момент введения мер политики в активных детородных возрастах. Более раннее появление на свет первого и второго ребенка, сокращение интервалов между родами первых двух-трех очередностей не сопровождалось повышением итоговой рождаемости у данных поколений по сравнению с предшествующими.

В качестве классического примера приведем Швецию, которая на протяжении всех 1980-х годов постоянно совершенствовала свою модель семейной политики, основанной на идее оплачиваемых отпусков по уходу за маленьким ребенком и предоставлении широчайших возможностей для женщины и обоих родителей совмещать семейные обязанности с трудовой деятельностью. В начале 1980-х годов родители с маленькими детьми в Швеции получили дополнительный «бонус за скорость» появления второго и третьего ребенка в семье (максимальный размер оплаты отпуска по уходу за маленькими детьми выплачивался при интергенетическом интервале не более 3-х лет). Десятилетний «бэби-бум» (коэффициент суммарной рождаемости в 1990 году достиг 2,13) впоследствии обернулся глубоким спадом показателей рождаемости для условных поколений. Коэффициент суммарной рождаемости опустился до рекордно низкой для страны отметки - 1,5, а затем стал вновь подниматься. Сегодняшний уровень рождаемости для условных поколений в Швеции вернулся к тому, какой страна имела более тридцати лет назад. В то же время уровень рождаемости реальных поколений остается стабильным для всех послевоенных поколений – около 2 рождений на одну женщину к возрасту 50 лет, что доказывает конъюнктурную природу всплеска показателей для календарных лет (рис. 8).

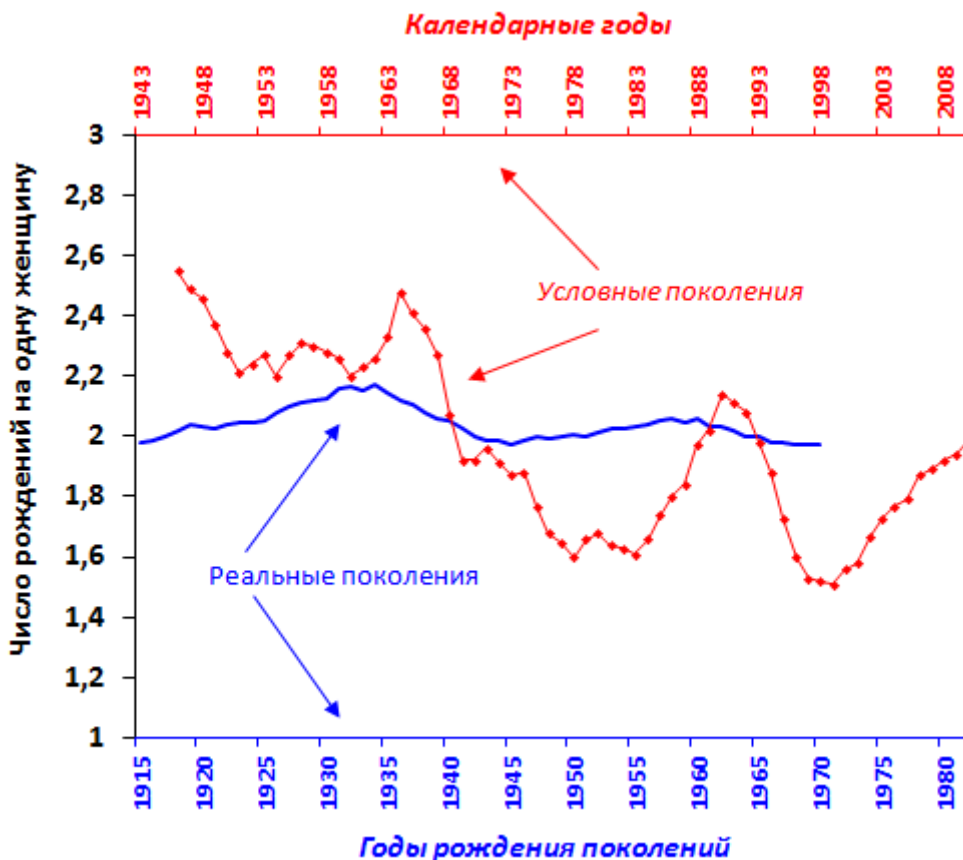

Рисунок 8. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений женщин в Швеции: календарные годы 1946-2010; годы рождения 1915-1970.

Источник: - Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). Available at www.humanfertility.org

Вероятнее всего предположить, что и в России, в ответ на повышенную активность государства в деле увеличения рождаемости, ситуация будет развиваться сходным образом. Итоговый показатель рождаемости для условных поколений (коэффициент суммарной рождаемости) может превысить 1,6 в расчете на одну женщину. Правда, затем, очень вероятен компенсаторный спад, вплоть до возврата к исходному уровню 2006 года – 1,3 (пессимистический сценарий). Для верхнего сценария мы оставляем возможность избежать спада, хотя это и маловероятно.

Учитывая гораздо большую устойчивость показателей для реальных поколений, можно предположить, что, пройдя период колебаний и перестройки возрастной модели рождаемости, итоговые показатели для условных поколений будут сближаться с соответствующими показателями для реальных поколений. Ориентиром могут служить оценки итоговой рождаемости поколений 1970-х годов рождения, которые к сегодняшнему моменту прошли наиболее активный репродуктивный возраст (женщинам из этих поколений сейчас 30-40 лет). При различных прогнозных вариантах – стабилизации возрастных коэффициентов на уровне 2005-2006 годов (пессимистический сценарий) или продолжении тенденции к росту коэффициентов рождаемости в возрастах старше 30 лет с темпами, наблюдаемыми в 1999-2010 годы (оптимистический сценарий) – итоговая рождаемость для этой группы поколений будет находиться в пределах 1,5-1,6 детей в расчете на одну женщину. Следовательно, и коэффициент суммарной рождаемости (показатель итоговой рождаемости для условных поколений) вполне реально может стабилизироваться на уровне 1,6.

Предположение о возможности такой стабилизации опирается также на еще одно важное наблюдение. Как уже указывалось, текущие показатели рождаемости для условных поколений в России, на сегодняшний день сильно «задавлены» процессами трансформации календаря рождений в сторону более позднего материнства. Если бы откладывание рождений, и, соответственно, увеличение возраста материнства по каким-либо причинам в России немедленно прекратилось, то итоговый показатель рождаемости реальных поколений примерно равнялся бы 1,55-1,60. Об этом свидетельствуют такие показатели, как средняя очередность рождений (рассчитанная как средневзвешенная величина, с коэффициентами суммарной рождаемости для каждой очередности рождения в качестве весов) и коэффициент суммарной рождаемости, скорректированный по известному методу Бонгаартса-Финей (корректировка учитывает сдвиг по возрастной шкале существующей функции интенсивности рождений детей каждой очередности на величину, равную изменению среднего возраста матери при рождении детей каждой очередности)⁹. В стабильной ситуации слабых изменений общего уровня рождаемости и календаря рождений в реальных поколениях (омоложение или постарение рождаемости не выражено) и низкой распространенности добровольной бездетности (что характерно для России) все три характеристики рождаемости должны быть очень близки по своему значению.

Достижение устойчивого коэффициента суммарной рождаемости на уровне 1,6 представляется весьма вероятным, однако нельзя исключить достижения и более высоких значений при условии, если:

а) удастся окончательно переломить тенденцию к сокращению рождаемости в реальных поколениях, и, при благоприятных социально-экономических условиях, среднее число имеющихся детей в семьях будет стремиться к декларируемому населением среднему желаемому числу детей;

б) эффект демографической политики окажется на удивление продолжительным.

В этом случае, формулируя прогнозные гипотезы в отношении рождаемости, верхнюю планку коэффициента суммарной рождаемости на 2030 год можно установить на уровне 1,9, что, на наш взгляд, будет отражать максимально возможную на сегодня степень оптимизма.

---

¹ Сергей Владимирович Захаров – заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ.

² В 1993-2002 гг. регистрация рождений (как и других демографических событий) в Чечне либо отсутствовала вообще, либо была отрывочной. Начиная с 2003 года Росстат вновь смог включать в свои публикации по России рождения, зарегистрированные на территории Чечни. Правда, в 2003 году общее число рождений в Чеченской республике не было распределено по возрасту матери, и при расчете более детальных показателей – коэффициентов по возрасту матери, коэффициента суммарной рождаемости – данные по Чечне не были приняты во внимание (исключены, соответственно, и из числителя – число рождений, и из знаменателя – среднегодовая численность женщин). Данные о рождаемости в Чечне полноправно присутствуют в официальных демографических расчетах лишь с 2004 года.

³ Средняя очередность рождения – показатель, рассчитываемый как средняя арифметическая взвешенная величина биологического порядка рождений у матери, фиксируемого при официальной регистрации рождения, весами для которого служат коэффициенты суммарной рождаемости для каждой очередности рождения. Средняя очередность рождений, рассчитанная на основе коэффициентов для реальных поколений, численно эквивалентна итоговой величине рождаемости поколений (по сути это одна и та же величина, представленная в различной форме). Для условных поколений расхождения между СОР и КСР могут иметь место в случае резких изменений в календаре рождений и/или изменений в доле окончательной бездетности.

⁴ О дискуссии по данному вопросу см., например: Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. /Центр по изучению проблем народонаселения. Эк. факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: ТЕИС, 2006, с. 54-58.

⁵ Синявская О.В., Тындик А.О., Головляница Е.Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы

репродуктивного поведения в России // Семья в центре социально-демографической политики / Отв. Ред. О.В.Синявская. М.: НИСП, 2009. С.37.

⁶ Среднее число детей каждой очередности, которое предстоит родить одной женщине к возрасту 50 лет при условии неизменности текущей возрастной интенсивности деторождения и структуры рождений по очередности. Оценки, базирующиеся на использовании неполных данных, – только для тех территорий, которые сохраняют разработку данных о рождениях одновременно по возрасту и очередности рождения.

⁷ Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // *SPERO. Социальная политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры*. 2006. №5. С.33-69.

(http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf).

⁸ Вклад популяций с коэффициентом суммарной рождаемости 1,5 на одну женщину и выше в общее число рождений в России составляет на сегодняшний день более 20%.

⁹ Bongaarts, J. and G. Feeney. 1998. "On the quantum and tempo of fertility." *Population and Development Review* 24(2).